

ОДНО ПРОШЛОЕ – ДВЕ ПАМЯТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКСПОЗИЦИЙ МУЗЕЯ ИСТОРИИ БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО ВОДНОГО ПУТИ И МУЗЕЯ СОЛОВЕЦКОГО ЛАГЕРЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Ольга Лебедева

Ольга Лебедева – докторант (PhD) Института истории Варшавского университета. Адрес для переписки: Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego, ul. Krakowskie Przedmieście, 26/28, Room 124, 00-927 Warsaw, Poland. o.lebedeva@uw.edu.pl.

Статья рассматривает две выставки, посвященные лагерям в Советском Союзе, – музея Соловецкого лагеря особого назначения (который находится в поселке Соловецкий) и музея истории Беломорско-Балтийского водного пути (в поселке городского типа Повенец в Карелии). Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, как именно отличается память о Беломорско-Балтийском лагере и Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) на основании анализа двух экспозиций. Для этого автор выработала собственную методику работы с музейными экспозициями. Одним из элементов анализа было традиционное для авторов концепций музейных выставок такого типа разделение представленных исторических персонажей-участников описываемых событий на четыре категории: палачей, жертв, героев и наблюдателей.

На основании проведенного анализа можно сделать выводы о различиях в памяти об одном и том же явлении, существовавшем в один и тот же период в соседних регионах. Эти отличия могут касаться ряда факторов: самого факта существования лагерей; оценки масштабов сети лагерей, целей и результатов их создания; роли Иосифа Сталина в создании системы лагерей; отношения к заключенным; отношения к тем, кто представлял в лагерях органы власти. Обе экспозиции признают, что в Советском Союзе лагеря существовали, однако остальные элементы прошлого представлены в них по-разному. В Повенце – героическое советское прошлое, сам канал представляется одним из символов мужества граждан. На Соловках же лагерь представлен как один из элементов широкой сети лагерей, а память о СЛОНе и ГУЛАГе – как память трагическая.

В более широком контексте столь серьезная разница между двумя видами памяти показывает отсутствие однозначного отношения к собственному прошлому в Рос-

сии. Музей Соловецкого лагеря особого назначения вписывается в международный дискурс о тоталитарных режимах. Музей же в Повенце демонстрирует полную оторванность от каких-либо современных подходов к изучению явления ГУЛАГа. Таким образом, два музея, нарративы которых касаются одного и того же явления в одно и то же время, показывают лагерное прошлое абсолютно по-разному.

Ключевые слова: историческая память; лагеря; Соловецкие острова; Беломорско-Балтийский канал; музей; экспозиция

Воспоминания о социалистическом прошлом неизбежно включают в себя память о трудовых лагерях, существовавших в Советском Союзе и некоторых других социалистических странах. Этот элемент социалистической системы порождает споры и во многом определяет отношение к советскому прошлому.

Настоящая статья стала непосредственным результатом летней школы «Архипелаг общей памяти», организованной варшавским Центром польско-русского диалога и согласия в 2017 году. В рамках поездки участникам удалось увидеть воочию места памяти и музеи в Санкт-Петербурге, Медвежьегорске, Сандормохе, Повенце и на Соловецких островах. Во время летней школы в различных форматах проявлялись разные, иногда противоречивые, точки зрения на прошлое: «репрессии – это величайшее зло», «в заключение попадали только плохие люди», «репрессированных было мало, это было давно и уже неважно». Участие в школе дало возможность рассмотреть память о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) и Беломорско-Балтийском лагере (БелБалтлаг) в контексте этих сложных дискурсов.

В способах презентации социалистического прошлого можно выделить две противоположные позиции – апологетическую и критическую. Советское прошлое в общем и целом в последние годы все чаще представляется прокремлевскими деятелями как героическое, а развал советской империи президент России Владимир Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой XX века» (Никольский 2017). Победой во Второй мировой войне оправдываются все действия власти вплоть до сегодняшнего дня, а тема ГУЛАГа отодвигается на обочину публичной дискуссии. Что касается лагерей принудительного труда, то их Россия до сих пор никак не может вписать в концепцию собственной истории. Основное внимание к лагерной тематике в России привлекает правозащитное общество «Мемориал», создавшее несколько баз с данными о лагерях и их заключенных¹. Не без внимания остается история ГУЛАГа и среди зарубежных исследователей. Например, основанный в 2016 году Центр изучения тоталитарных режимов имени ротмистра Витольда Пилецкого (Ośrodek Badań nad Totalitaryzmami im. rotmistrza Witolda Pileckiego), действующий в Варшаве, создает свою базу анкет и воспоминаний поляков, попавших в Армию генерала Владислава Андерса. Здесь в центре внимания – система лагерей в СССР, куда были депортированы и сосланы многие польские граждане после вторжения Советского Союза на территорию Польши 17 сентября 1939 года.

¹ Например, «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» (<http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag>) и «Открытый список» (<https://ru.openlist.wiki>).

В отсутствие широкой дискуссии, посвященной лагерям принудительного труда, определенные шаги в направлении освещения темы в самой России все же были сделаны. Так, в Москве с 2001 года функционирует Музей истории ГУЛАГа. Из наиболее ярких событий последнего времени стоит отметить открытие мемориала «Стена скорби», посвященного жертвам политических репрессий. Акция общества «Мемориал» «Последний адрес» не была поддержана государством, однако активистам удается ее реализовать. Приведенные примеры касаются крупных городов. В регионах ситуация с памятью о лагерях в СССР и способы ее сохранения выглядит несколько иначе – чаще всего акцент здесь делается на локальной истории, а тему репрессий обходят стороной.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы выяснить, как именно различается память о Белбалтлаге и Соловецком лагере особого назначения на основании анализа двух экспозиций (они были предметом анализа летней школы «Архипелаг общей памяти»). Изначально выдвигались предположения, что различия касаются самого факта существования лагерей, оценки масштабов сети лагерей, целей и результатов их создания, роли Иосифа Сталина в создании системы лагерей, отношения к заключенным и к тем, кто представлял в лагерях органы власти.

Большинство научных работ об экспозициях, посвященных тоталитарным режимам вообще и ГУЛАГу в частности, написано социологами и культурологами. Среди новых исследований такого типа можно выделить, например, книгу «Память ГУЛАГа» польского социолога Зуанны Богумил, которая посетила и описала ряд бывших советских лагерей (Wojcitił 2012). Анна Зембиньска-Витек в книге, посвященной музейным практикам, связанным с Холокостом, описывает способы представления Шоа на выставке (Ziębińska-Witek 2011). Следует отметить, однако, что катастрофа европейского еврейства является специфической темой, тема же советских лагерей остается менее изученной, в том числе в самой России.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторический анализ экспозиции несколько отличается от социологического. Автор данной статьи выработал свою методику работы. Сначала рассматриваются все события, люди и процессы, представленные на конкретной выставке. После исследователь устанавливает, кого и чего в данной экспозиции недостает и по каким причинам. В статье рассматривается, как именно показан тот или иной персонаж (как герой, палач, жертва или наблюдатель), то или иное событие (важное или второстепенное; как победа или поражение; каковы его предпосылки, результаты, следствия; значение для разных групп). Затем проводится сопоставление с другой выставкой. Такое сравнение позволяет понять, чем и за счет чего отличается интерпретация прошлого (например, показаны ли одни и те же события), и выяснить, как и почему две экспозиции показывают прошлое тем или иным способом. В отличие от социологических или культурологических, в исторических исследованиях, как правило, не используют материалы интервью с авторами выставки или посетителями музея. Работа ведется исключительно на базе материалов,

представленных в основной экспозиции. Особое внимание стоит уделять обстоятельствам появления того или иного музея, источникам его финансирования, авторам концепции и сценария.

В этом тексте представлен анализ государственных музеев. Если в частных музеях теоретически представлено может быть все, что угодно, то экспозиция государственного музея в силу своего статуса представляет официальную точку зрения на прошлое. Ограниченность пространства музейной экспозиции вынуждает авторов концепции и сценария выставки отбирать одни факты, отказываясь от упоминания других. Нужно помнить, что не всегда отсутствие какого-нибудь исторического персонажа или события является результатом злого умысла авторов выставки. Одним из обвинений, выдвинутых в Польше против создателей Музея Второй мировой войны в Гданьске, было отсутствие на выставке упоминаний об отце Максимилиане Кольбе (Machsewicz 2017). Однако выставка, которая охватывает мировую историю с конца Первой мировой войны до падения Берлинской стены, в любом случае станет результатом отбора, поскольку представить на ней все невозможно. При анализе выставки важно помнить об этом и брать в расчет субъективную позицию ее авторов, их политические взгляды, точку зрения на описываемые события. Однако недостаток пространства как основание для отбора перестает работать, когда речь идет о ключевых эпизодах события. Так, если, например, на выставке, посвященной Второй мировой войне, отсутствует информация о 17 сентября или о прорыве блокады Ленинграда, то это вряд ли можно объяснить только теснотой помещения, в котором она представлена.

При анализе музейной экспозиции важно обращать внимание на способ организации выставки: традиционный или современный, с использованием мультимедиа; а также на то, представлены ли на выставке артефакты. Современные музеи больше напоминают театры, которые рассказывают посетителям реальную, а не придуманную историю. Анализ выставки в исторической работе должен включать описание организации выставки – что и где находится (на виду или спрятано), какое освещение использовано и т. д.

Две выставки, которые стали предметом анализа в этом тексте, представляют одно и то же явление – систему Северных лагерей особого назначения в Советском Союзе. Музей истории Беломорско-Балтийского водного пути находится в поселке городского типа Повенец республики Карелия. В годы перестройки главная экспозиция музея была законсервирована и закрыта на многие годы. В 2003 году к 70-летию Беломорканала музей открыли вновь (Гирич 2017), однако экспозиция была лишь дополнена, а не изменена – таким образом, здесь мы имеем дело с традиционной советской выставкой.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РАССМАТРИВАЕМЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ

Постоянная экспозиция музея истории Беломорско-Балтийского водного пути занимает всего одну комнату. История канала прослеживается со времен правления Петра Великого и до сегодняшнего дня. Выставка представляет собой классиче-

ские стенды с картами, рисунками, фотографиями, вырезками. Предметными экспонатами являются инструменты, которыми пользовались заключенные. Именно они занимают на выставке центральное место. Не все экспонаты здесь являются аутентичными: некоторые из них представляют собой распечатки из интернета или копии современных газет.

Отдельно нужно отметить отсутствие возможности посещения выставки самостоятельно, без экскурсии. Экскурсоводом по совместительству является заведующая музеем – одна из активисток возрождения экспозиции, она не скрывает своего положительного отношения к личности Сталина. Содержание экскурсии также нельзя назвать беспристрастным – в музее сохранен советский нарратив, исключая критику руководителей государства и восхваляющий трудовые достижения советского народа.

Музей на Соловках был открыт накануне краха Советского Союза в помещениях Соловецкого монастыря. В 2006 году началась модернизация выставки. Новая экспозиция музея Соловецкого лагеря особого назначения переехала и была открыта в 2010 году в бывшем лагерном бараке на Соловках (Vogunit 2012). Нарратив обеих выставок относится к одному и тому же периоду (1920–1939 годы) и описывает систему Северных лагерей особого назначения, однако совершенно по-разному.

Музей в Повенце нельзя причислить к музеям современным, скорее наоборот – он представляет собой типичный советский музей. Музеи нового типа не предполагают тишины: посетители могут громко переговариваться, дотрагиваться до предметов и средств мультимедиа, а музыка или разного рода звуковое сопровождение давно стало непременным атрибутом каждой такой выставки. В Повенце же экскурсовод крайне негативно воспринимает любую попытку посетителей самостоятельно ознакомиться с экспонатами или усомниться в справедливости той оценки исторических событий, которая представлена в музее.

Как и в Повенце, экспозиция музея СЛОН расположена в аутентичном месте: музей находится в бараке 1929 года постройки и разделен на девять тематических секций, каждая из которых представляет один из этапов пути узников лагерей (не только Соловецкого), – начиная от следствия и заканчивая жизнью в лагере. В число экспонатов входят фотографии, документы, орудия труда, карты. Следует отметить, что в музее на Соловках, в отличие от Повенца, отсутствуют материалы из соцсетей. Место, в котором находится выставка (барак), во многом определяет ее организацию: посетители по узкому коридору выходят в основной зал, откуда другой коридор ведет к последнему экспонату – большой фотографии жертв лагеря. Выставка оформлена в приглушенных черном и красном тонах, что создает довольно зловещую атмосферу (характерную для концлагеря и всей советской действительности). Достоинством экспозиции в музее СЛОН является большое количество документов и постановлений, но, в отличие от выставки в Повенце, здесь к текстам даны комментарии. Музей Белбалтлага предлагает посетителям только сами документы или вырванные из контекста выдержки из них. Что касается вопроса о признании факта существования лагерей, то здесь между экспозициями нет различия: оба музея признают, что в Советском Союзе существовали лагеря.

ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЗДАНИЯ ЛАГЕРЕЙ

Цель создания трудовых лагерей в рассматриваемых музейных экспозициях раскрывается по-разному. На Соловках приведены цитаты наиболее известных заключенных, например, академика Дмитрия Лихачева, православного священника Павла Флоренского, писателя Олега Волкова, описывающие разные аспекты жизни в лагере. Выставка рассказывает о том, что заключенные на Соловецких островах занимались разными видами работ, но смысл данной информации отличается от нарратива в Повенце. В данном случае показана абсурдность ситуации, в которой писатели, философы и люди искусства должны заниматься разведением пушных зверей, рубить лес или рыбачить. Возможно, «набор» жертв, которым в экспозиции «дали слово», несколько ограничен – это только представители интеллигенции, позднее опубликовавшие свои воспоминания о Соловках. Однако именно эта группа всегда будет наиболее понятным примером на выставке такого типа благодаря сравнительной известности и самому роду деятельности, весьма далекому от строительства стратегических объектов.

В соответствии с концепцией выставки музея Беломорско-Балтийского водного пути здесь рассказывается, что уже в правительстве Российской империи шли разговоры о необходимости строительства канала, соединяющего Белое море с Балтийским. Однако только в XX веке люди, принимавшие непосредственное участие в уничтожении монархии, решили привести план в исполнение. Главным автором проекта выставка называет «талантливого менеджера» Иосифа Сталина.

Концепция экспозиции музея сводится к истории строительства канала. В первом приближении увиденное в Повенце оставляет впечатление, будто речь идет об истории строительства стратегически важного объекта, на которое отправляли злодеев и преступников. Счастливые от того, что им выпал шанс помочь советской родине, заключенные после успешной «перековки» возвращались в общество. Даже нечеловеческие условия работы узников представлены в оптимистичном духе. Отсутствие техники (в наличии была всего одна лошадь, а заключенные вынуждены были работать голыми руками, использовать самые примитивные инструменты) компенсировалось самоотверженностью, с которой «враги Советского Союза» строили канал.

РОЛЬ СТАЛИНА В СОЗДАНИИ ЛАГЕРЕЙ

Особое место на выставке занимает Сталин. Неоднозначность оценки личности Иосифа Джугашвили как человека и политического деятеля связана прежде всего с лагерями и террором. Где, как не на выставке о строительстве одного из символов советского тоталитаризма, можно было бы порассуждать о столь противоречивой фигуре? На выставке в Повенце Сталину отведена значительная часть экспозиции. Кроме книг и календаря² здесь имеются фотоснимки посещения вождем строительства БелБалтканала (интересно, что точно такое же фото и в том же кон-

² Речь идет о представленном на выставке календаре за 2016 год (продукция издательского дома «Достоинство»), на каждой странице которого можно прочесть фрагмент биографии Сталина.

тексте успехов «больших строек» находится на выставке в музее Сталина в Гори). Здесь также представлена таблица «За что любят и ненавидят Сталина», что придает экспозиции политическую окраску.

Сталин на выставке в музее истории Беломорско-Балтийского водного пути, безусловно, предстает в качестве героя. Благодаря ему началось строительство канала, который был столь важен для победы в Великой Отечественной войне – победы, которая стала возможна, по мысли организаторов выставки, также благодаря Сталину. Здесь не подвергается сомнению целесообразность проекта строительства канала и его стоимость, – в том числе нематериальная: загубленные человеческие жизни. В этом отношении музей идеально вписывается в современный патриотически-военный настрой государства и определенной части российского общества.

ЖЕРТВЫ, ПАЛАЧИ, ГЕРОИ И СВИДЕТЕЛИ

В музейной практике концепция выставки обычно включает разделение на жертв, палачей, героев и наблюдателей (или свидетелей). Приписанная однажды роль в экспозиции может меняться. Так, в албанском музее BUNK'ART (г. Тирана), посвященном истории коммунистической Албании, одним из главных палачей является отец-основатель спецслужб Сигурими Кочи Джоджа, однако здесь же представлены материалы, касающиеся политического дела, по которому Джоджи был расстрелян в 1948 году, так что его образ переходит в категорию жертв. Точно так же в музее Движения Сопротивления в Берлине полковник Клаус фон Штауффенберг из палача превращается в героя и одновременно в жертву нацистов и политического режима Третьего Рейха.

Категории палач, жертва, герой, свидетель присутствуют не всегда. Особенно это касается музеев, которые были открыты еще в годы советской власти и содержание выставок в которых не было переработано. Если говорить об экспозициях ближнего зарубежья, то здесь ярким примером отсутствия отчетливого разделения на палачей, жертв, наблюдателей и героев является музей Сталина в Гори (Грузия). Даже существование в Тбилиси Музея советской оккупации и действующий закон о декоммунизации не повлияли на содержание выставки на родине генералиссимуса. После прихода к власти реформаторов изменения в музее ограничились тем, что существующая экспозиция была дополнена информацией о тайном протоколе к пакту Молотова–Риббентропа и на некоторое время открыт зал, посвященный тоталитаризму и лагерям в СССР (который без огласки и какого-либо пояснения на сайте музея в скором времени демонтировали). Остальная часть выставки так же, как и в 1957 году, когда музей был открыт, рассказывает о Сталине как о прекрасном человеке и политике. Подобный подход использован и в музее истории Беломорско-Балтийского водного пути.

Отдельный стенд рассказывает об истории Советско-финской и Великой Отечественной войн. В этом разделе появляются условные «хорошие» и «плохие». В качестве палачей в этой части выступают прежде всего финны. Здесь в частности идет речь о концентрационных лагерях в Петрозаводске. Стоит отметить, что ос-

новным источником информации о войне являются вырезки из газеты «Аргументы и факты». В качестве противников СССР во Второй мировой войне указаны Словакия, Италия, Испания, Германия, Венгрия, Хорватия, Румыния и Финляндия. Если географическая близость к Финляндии и опыт вооруженного конфликта объясняют образ Финляндии как врага, то включение в этот перечень Испании, которая не принимала участия во Второй мировой войне, вызывает вопросы. О союзниках СССР в экспозиции не упоминается, благодаря чему создается впечатление, что войну Советский Союз выиграл самостоятельно (что также вписывается в принятое в современной России концепцию мифа о Великой Отечественной войне).

Между тем представленная в музее информация о концлагерях в Петрозаводске весьма интересна. На выставке экспонируются фотографии детей-узников, что должно вызывать у посетителей чувство сострадания к заключенным, негативные эмоции и гнев по отношению к финнам. С одной стороны, выставки признают факт существования лагерей на территории Карелии, однако, с другой – в той же экспозиции ничего не сказано о ГУЛАГе в Карело-Финской ССР. По данным «Мемориала», в Карелии в годы существования Советского Союза действовало 16 различных подразделений Северных лагерей особого назначения и ГУЛАГа³: Беломорский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ), Вяртсильский ИТЛ, ИТЛ комбината «Апатит», ИТЛ при Оборонстрое, Кексгольмский ИТЛ, Маткожлаг, Медвежьегорский оздоровительный лагерь, Пудожгорский ИТЛ, Пудожское ЛО, Сегежский ИТЛ, Сорокский ИТЛ, Главное управление лагерей лесной промышленности, Главное управление аэродромного строительства НКВД СССР, Беломорско-Балтийский ИТЛ, Соловецкий ИТЛ ОГПУ, Строительство 258 и ИТЛ. На выставке в Повенце не нашлось информации ни об одном из этих лагерей. Советское прошлое на выставке представлено в положительном свете, создание лагерной системы, нацеленной на «перевоспитание» отдельных вредных членов общества в нарративе данной выставки выглядит оправданным. Примечательно, что в разделе о финских лагерях в качестве жертв выступают дети, то есть те, кто априори невинен. В нарративе о Беломорско-Балтийском канале присутствуют только взрослые, а об арестах подростков во время репрессий, разумеется, не упоминается.

Трудно оценивать роль заключенных в концепции выставки. С точки зрения современного образованного историка, который имеет возможность познакомиться с широким кругом литературы на разных языках и посещает многие музеи мира, люди, работающие на строительстве канала, ставшего одним из символов террора, вне всякого сомнения являются жертвами. Однако авторы экспозиции наверняка так не считали, поскольку на экспозиции нет ни следа об упоминании человеческих страданий: здесь нет личных вещей, воспоминаний заключенных – то есть тех экспонатов, которые всегда вызывают сильные эмоции, в отличие от сухой статистики.

Можно ли назвать заключенных в таком случае наблюдателями, или свидетелями? В эту категорию попадают чаще всего те, кого нельзя причислить к другим

³ «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» (<http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag>).

группам. Однако именно заключенные строили канал, так что изображать их пассивной стороной было бы неверно. С нашей точки зрения, роль узников БелБалтлага на выставке сначала представлена как роль палачей, которые позже, в процессе «перевоспитания» в лагере, становятся героями. Таким образом, у посетителей музея их судьбы не вызывают жалости или сострадания. Выставка построена так, что ее посетитель получает дополнительное подтверждение того, что этих людей следовало посадить в лагерь, ведь они были преступниками. При этом неважно – какими именно, главное, что они были вредны для общества, однако небезнадежны, и поэтому новая социалистическая власть дала им шанс перевоспитаться. Такой подход в целом как нельзя лучше демонстрирует необходимость и пользу всей системы принудительного заключения в Советском Союзе.

Музей на Соловках относится к категории музеев критических. В результате анализа выставки можно выделить категорию палачей. Уже в самом начале выставки выделены первые лица партии большевиков (в том числе Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Лев Троцкий), а также руководство ВЧК (и затем последовательно ОГПУ и НКВД, например: Генрих Ягода, Вячеслав Менжинский, Николай Ежов). Таким образом, палачи в этой экспозиции имеют имена и фамилии, кроме того, здесь названы все структуры, чинившие насилие в СССР и ответственные за создание системы лагерей. Представленный в позитивном свете в музее БелБалтканала Сталин здесь сразу «заявлен» как палач.

В достаточно длинном списке «палачей» особо выделен Феликс Дзержинский. Личность Дзержинского как главного палача отмечена не только на Соловках, но и в некоторых крупных музеях бывшего Восточного блока. Именно ему как основателю советских специальных служб, послуживших прототипом для других социалистических стран, посвящена значительная часть экспозиции в музее Штази в Берлине.

В музее истории Беломорско-Балтийского водного пути заключенные представлены как некая безликая масса, только в одном случае названы конкретные имена. В доказательство того, как страна ценила работы на канале, в музее выставлен документ «О награждении орденами Союза ССР работников, инженеров и руководителей строительства Беломорско-Балтийского канала имени тов. Сталина». В нем есть имя только одного осужденного по статье о вредительстве (Константин Вержбицкий), остальные награжденные – партийные чины (начиная с первого в списке Генриха Ягоды). В документе упомянут бывший узник Соловков (а затем сотрудник ОГПУ) Нафталий Френкель. В музее на Соловках информация о Френкеле также присутствует, только уже как об авторе фразы «От заключенного нам надо взять все в первые три месяца – а потом он нам не нужен».

То, как представлена личность Френкеля в музее Повенца, только подчеркивает результативность работы СЛОНа. В выставленном документе он фигурирует как «номинальный начальник Беломорстроя и начальник работ, совершивший в свое время преступление против государства и амнистированный ЦИК Союза ССР в 1932 году со снятием судимости». Согласно документу, Френкель был прекрасным организатором и проявил «большое знание дела». Этот пример как нельзя лучше демонстрирует то, как можно перевоспитать преступника. Кроме прочего,

Френкель умер своей смертью в 1960 году, и образ его вовсе не годится для представления жертв репрессий, зато прекрасно иллюстрирует общественную пользу советской лагерной системы.

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ СЕТИ ЛАГЕРЕЙ

Представляет интерес сопоставление сценографии музейных экспозиций, которая в конечном счете ориентирована на формирование определенных оценочных суждений. Музей Соловецкого лагеря особого назначения показывает не только историю лагеря, но и всю систему ГУЛАГ. На выставке есть карта с отмеченными отделами и подотделами «архипелага». Отсутствие же сколько-нибудь широкого контекста на выставке музея истории Беломорско-Балтийского водного пути не дает представления о том, что использование принудительного труда в Повенце было не исключением и что существовала развернутая и прекрасно организованная система для этого. Это позволяет авторам выставки избежать необходимости объяснять смысл существования множества лагерей, ведь основным аргументом существования этого конкретного ИТЛ является стратегическое положение канала.

Как и в Повенце, на выставке в Соловецком представлены плакаты и лозунги. Расположены они почти на потолке, обилие их является художественным воплощением метафоры о фальшивости режима. В некоторых частях выставки плакаты чередуются со сведениями о заключенных и погибших. Смысл использования плакатов понятен: посетитель должен увидеть различие между красочными званиями и реальным смыслом существования лагеря принудительных работ. Нужно признать, что прием этот достаточно популярен среди музейщиков и фирм, занимающихся устройством музейных экспозиций. Так, в Музее Второй мировой войны в Гданьске в самом начале выставки находятся небольшие помещения, которые посвящены каждому тоталитарному режиму, принимавшему участие в самом крупном военном конфликте XX века. Есть в том числе зал о Советском Союзе, в котором на красном фоне висят огромные плакаты, а за ними скрываются экспонаты, связанные с репрессиями, ГУЛАГом, Голодомором в Украине. Такой же прием с плакатами над головами посетителей использован в Музее советской оккупации в столице Грузии Тбилиси. Под высказываниями грузина Сталина расположены статистические данные о жертвах советского режима. В соловецком музее плакаты выглядят достаточно органично, возможно, из-за небольшой высоты потолка, благодаря которой создается впечатление непосредственного соседства лозунгов и страшной действительности.

В музее в поселке Соловецкий отдельная часть посвящена строительству Беломорско-Балтийского канала. Здесь представлена краткая история, статистические данные о количестве заключенных, а также технические данные (количество шлюзов, плотин, дамб и т. д.). Отличием от музея БелБалтканала является уже то, что этот конкретный лагерь вписан в общую картину системы принудительного труда. Чтобы попасть в описываемую часть экспозиции, посетители должны пройти под красной надписью «Беломорско-Балтийский канал». Трудно сказать, преследовали ли авторы выставки такую цель, но надпись эта напоминает печально

известную фразу «Arbeit macht frei» на воротах в лагерь смерти Аушвиц I. Раздел, посвященный БелБалтлагу, кончается большой картой системы ГУЛАГ со списком всех лагерей. Создается впечатление, что, начав путь в Соловецком лагере особого назначения, плывя по течению Беломорско-Балтийского канала, мы оказываемся в бескрайнем море системы советских лагерей. Оставшаяся часть выставки носит символический характер. Использование экспонатов-символов воздействует на эмоции, а не просто информирует об истории СЛОНа. Последний экспонат выставки: фото с лицами заключенных крупным планом, которые будто смотрят прямо в глаза посетителю. Этот эффектный прием тоже не является уникальным соловецким изобретением: так, в музее Яд Вашем в Израиле главная экспозиция начинается с фотографий людей, которые машут посетителям, и заканчивается тем же изображением, которое после просмотра экспозиции (устроенной так, чтобы посетитель не мог пройти ее насквозь, не ознакомившись с экспонатами и нарративом), воспринимаются совершенно иначе. Это уже не веселые люди, которые приветствуют посетителя. Это жертвы Холокоста, которые прощаются навсегда.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что на выставках в Повенце и в Соловецком использованы похожие экспонаты, содержание экспозиций оказалось абсолютно разным. Объяснить это можно наличием комментариев (в СЛОН). Нельзя назвать информацию, представленную в музее БелБалтканала, ложной. Безусловно, существовали постановления о проведении культурно-массовой работы, Сталин посещал канал после открытия, а в Петрозаводске были финские концлагеря. Однако отсутствие анализа событий, имевших место в 1930–1933 годах, лишь поддерживает идею о ГУЛАГе как о системе справедливой.

Почему так происходит? Почему поселок городского типа с населением меньше двух тысяч человек показывает искаженное прошлое, напрямую связанное с его собственной историей? Можно объяснить это по-разному. Прежде всего значима здесь сама история выставки: она была законсервирована, а позже, с небольшими дополнениями, открыта для посетителей. Не стоит ожидать в маленьком населенном пункте современного музея с мультимедиа, даже в крупных городах такие экспозиции пока скорее исключение, нежели норма (впрочем, в соседнем Медвежьегорске краеведческий музей после реконструкции сделан вполне в европейском духе, с использованием средств мультимедиа). Можно упрекать музей в Повенце за отсутствие текстовой информации и общего контекста истории системы принудительных работ в СССР. Текстовое сопровождение на выставке может казаться необязательным. Конечно, в крупном музее посетитель не прочтает всех комментариев просто из-за большого объема информации. Создатели Музея Второй мировой войны, например, изначально не предполагали, что посетитель ознакомится со всеми материалами за одно посещение (Machsewicz 2017). Однако полное отсутствие комментариев заставляет понимать экспонаты буквально. Приведем пример: инструменты, экспонируемые на обеих выставках. Каждый предмет имеет две функции – материальную и символическую. С точки

зрения истории техники здесь все верно: в 30-е годы XX века в Советском Союзе действительно использовались такие инструменты, в том числе и во время строительства Беломорско-Балтийского канала. Другая функция – инструмент как символ рабского труда заключенных.

На выставке в Музее Соловецкого лагеря особого назначения были использованы оба этих подхода. Разница между двумя экспонатами или экспонатом и текстом создает определенную реакцию у посетителей. Например, яркие плакаты с пропагандистскими лозунгами коррелируют с фотографиями заключенных во время работы. Важно, что на выставке в Повенце отсутствуют истории палачей и жертв. При этом стоит отметить, что в истории Советского Союза палачи часто становились жертвами (Ежов, Ягода, позже – Лаврентий Берия). Биографии этих людей являются иллюстрацией деятельности советской тоталитарной машины, которая уничтожала даже своих изобретателей. На этих выставках мы имеем дело с двумя разными видами памяти. Музей БелБалтканала являет собой историю с точки зрения советских властей. Такая позиция исключает возможность показать события из перспективы заключенных или их семей, никаких сомнений в правильности проводимой государством политики также не может возникнуть.

В годы «идеологического единства» музейная экспозиция служила лишь иллюстрацией к школьному учебнику (в музееведческой литературе даже появился термин «иллюстративный метод») (Плохотнюк 2002). Современные музейные практики предполагают выход за рамки данного подхода. Музейная экспозиция не должна быть аналогом научной монографии. Кроме самого нарратива, истории, которую авторы хотят рассказать, выставка должна воздействовать на эмоции посетителя, заставить его задуматься, побудить к рефлексии после увиденного. Если Музей Соловецкого лагеря особого назначения с этой задачей справился, то экспозиция в музее истории Беломорско-Балтийского водного пути так и осталась иллюстрацией.

Проводя анализ выставки, кроме предметов необходимо выделить ряд экспонатов: фотографии, символы, места, документы. На обеих выставках они есть. При этом нужно помнить, что фотографии являются источниками информации о прошлом, но при этом приближают это прошлое к посетителю музея, конкретизируя сухую информацию. «Смерть одного – трагедия, смерть двух миллионов – статистика». Фраза из романа Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск», ошибочно приписываемая Сталину, как нельзя лучше объясняет функцию фотографий на выставке. Человеку трудно осознать масштаб трагедии. На выставке, например, указано, что по состоянию на 1 октября 1927 года на Соловках пребывало 7445 человек. Фотографии и истории конкретных людей дают понимание глубины ситуации. Посетителю проще идентифицировать себя с другим человеком, а не с цифрой.

Часто фотографии отдельных людей в музеологии используются на выставках, связанных с Холокостом. Например, Музей в комплексе Аушвиц-Биркенау в Освенциме и недавно открытый для посетителей Музей Второй мировой войны в Гданьске используют подобные инсталляции. Сначала представлены сваленные в кучу или стоящие друг на друге чемоданы. Через некоторое время, в другом зале, посетитель видит фотографии. В Освенциме, где выставка носит вполне традици-

онный характер (что в этом месте вполне логично, поскольку сами по себе бараки и развалины крематориев достаточны для правильного восприятия экспозиции), приклеены они на стендах, в Музее Второй мировой войны прикреплены к специальным лесками и как будто повисли в воздухе. В этом моменте посетитель напрямую связывает оставленные чемоданы с конкретными людьми.

Другая инсталляция, элементы которой встречаются в разных частях выставки на Соловках, – тюремные решетки. В одном случае за решеткой видно Белое море, которое само по себе являлось лучшей заменой колючей проволоки. Зимой лед возле берега слишком тонкий, а летом вода не прогревается, так что сбежать с острова невозможно. В другом месте решетка находится в стене вместе с тюремной дверью и на потолке, откуда видно голубое небо с облаками.

На выставках, посвященных лагерям, как правило, присутствуют экспонаты-символы. Обычно это предметы, которые в контексте конкретной экспозиции обозначают какое-то событие или процесс. Так, например, одним из популярных среди музейщиков символов является товарный вагон. В случае выставок, посвященных Холокосту, ассоциируется он с концентрационными лагерями и лагерями смерти, с Катастрофой европейского еврейства. В Музее истории польских евреев, например, каждый посетитель вынужден пройти через такой вагон, как бы представить себя входящим в него, как входили те, кто стал жертвами нацистов.

На экспозициях о Советском Союзе вагон символизирует депортации. В Риге такой вагон стоит прямо на улице в память обо всех вывезенных во внутренние районы СССР латышах. В Музее советской оккупации в Тбилиси вагон означает депортации и одновременно символизирует расстрелы на станции Аргвети во время Августовского восстания 1924 года.

Экспонаты-символы всегда имеют несколько смыслов. Один из них вполне очевиден – предмет как свидетель эпохи. Второе значение предмет приобретает только в контексте. Столовые приборы на выставке о Холокосте становятся символом погибшего в концлагерях мирного населения.

В Повенце и Соловецком представлены рабочие инструменты. Однако в первом случае это просто экспонаты как пример инструментов, которыми пользовались заключенные на строительстве канала. На Соловках же инструменты являются символом принудительных работ. Общие концепции выставок, наличие и отсутствие подписей к экспонатам, текстовая информация полностью меняют смысл и содержание одних и тех же предметов.

Несмотря на сложности, с которыми столкнулся Музей Соловецкого лагеря особого назначения в последние годы (смена руководства, зависимость от Соловецкого монастыря), экспозиция его значительно объективнее с исторической точки зрения и удачнее со сценографической перспективы отражает историю начала лагерной системы в Советском Союзе. Экспозицию, к счастью, миновала судьба музея «Пермь-36» в поселке Кучино, где после смены дирекции назначенные сверху люди полностью поменяли концепцию музея: вместо истории одного из многочисленных лагерей ГУЛАГа посетители теперь могут здесь узнать о нелегкой доле доблестных охранников, которым приходилось следить за предателями родины (Lebedeva 2016).

Музей истории Беломорско-Балтийского водного пути в Повенце вполне имеет право сосредоточиться именно на истории канала, а не лагерной системы. В противном случае его следовало бы называть Музей Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря. Сейчас это по сути краеведческий музей, отражающий региональную память. Однако как музей истории редко используемого канала он никому не интересен, кроме собственных создателей. БелБалтлаг стал одним из символов террора и тоталитаризма в СССР и воспринимается именно в таком ключе, а не как искусственный водоем в Карелии и уникальное творение рук человеческих. Даже оставляя за авторами экспозиции право сосредоточиться на истории канала, нельзя не отметить, что в целом это устаревшая выставка, утаивающая историческую правду. Трудно назвать эту экспозицию исторической, поскольку вырезки из газеты «Аргументы и факты» или распечатки без ссылки на источник безусловно не являются экспонатами, адекватными для выстраивания нарратива о принудительном труде.

Дункан Камерон в своей классической статье задает вопрос: чем должен быть музей – храмом или форумом (Cameron 1971)? У создателей музея истории Беломорско-Балтийского водного пути, судя по представленной экспозиции, данная дилемма решалась просто: музей является классическим примером храма, дискуссия в котором является вещь невозможной и даже неуместной. Музей СЛОНа все же, несмотря на определенную сдержанность, скорее можно назвать форумом.

Проанализированные музейные экспозиции отражают два направления в историографии. Первое (Советский Союз как тоталитарное государство) получило отражение в музейной экспозиции СЛОНа, второе (Советский Союз как коммунистическое государство) – в музее истории Беломорско-Балтийского водного пути. За этими различиями стоят не только разные варианты ответа на вопрос о соотношении целей и средств (ср. «цель оправдывает средства»), но и разные оценки самих целей создания социалистического строя.

В более широком контексте столь серьезная разница между двумя видами памяти показывает отсутствие однозначного отношения к собственному прошлому в России. Музей Соловецкого лагеря особого назначения вписывается в международный дискурс о тоталитарных режимах. Музей в Повенце демонстрирует полную оторванность от каких-либо современных подходов к изучению явления ГУЛАГа. Открытым остается вопрос о том, какая из представленных перспектив будет доминировать в российском обществе, пока не готовом оценить коммунистическое прошлое и место репрессий в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гири́н, Никита. 2017. «Вердикт Сандармоха». *Новая газета*, 3 июля, с. 1–12.
- Нико́льский, Алексе́й. 2017. «Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века». РИА Новости, 13 июня. Просмотрено 17 июня 2018 г. (<https://ria.ru/politics/20170613/1496353896.html>).
- Плохотнюк, Владимир. 2002. *История в краеведческом музее: классика или постмодерн? Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев*. М.: Государственный исторический музей.
- Wogumił, Zuzanna. 2012. *Pamięć GULAGU*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych.

- Cameron, Duncan F. 1971. "The Museum, a Temple or the Forum." *Curator* 14(1):11–14.
- Lebedeva, Olga. 2016. "Terytorium polityki zamiast terytorium wolności." *Histmag*, May 30. Retrieved June 17, 2018 (<https://histmag.org/perm-36-terytorium-polityki-zamiast-terytorium-wolnosc-13411>).
- Machcewicz, Paweł. 2017. *Muzeum*. Kraków: Znak Horyzont.
- Ziębińska-Witek, Anna. 2011. *Historia w muzeach: Studium ekspozycji Holokaustu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

ONE PAST, TWO MEMORIES: COMPARING THE EXHIBITIONS AT THE MUSEUM OF THE WHITE SEA–BALTIC SEA CANAL AND THE MUSEUM OF THE SOLOVKI PRISON CAMP

Olga Lebedeva

Olga Lebedeva is a PhD candidate at the Institute of History, University of Warsaw, Poland. Address for correspondence: Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego, ul. Krakowskie Przedmieście, 26/28, Room 124, 00-927 Warsaw, Poland. o.lebedeva@uw.edu.pl.

The essay discusses two exhibitions featuring camps in the Soviet Union: the Museum of the Solovki prison camp (located on the Solovetskie Islands) and the Museum of the White Sea–Baltic Sea Canal (in the town of Povenets, Karelia). The purpose of this study was to explore differences in memory of the White Sea–Baltic Sea Canal and the Solovetskii Special Purpose Camp (SLON) through an analysis of two exhibitions. To achieve this goal, I developed my own methodology for working with museum exhibitions. One of the subjects of the analysis was the traditional division of actors in museum exhibitions about state violence and atrocities into executioners, victims, heroes, and observers.

This study reveals that the same phenomenon—such as forced labor—existing in neighboring regions at the same time can generate different memories and different kinds of commemoration. These differences may concern the very fact of the existence of the camps, the size of the camp network, the goals and consequences of camps' establishment, the role of Josef Stalin in the creation of the camps, evaluations of the prisoners and of representatives of authorities in camps. Both exhibitions recognize the existence of camps in the Soviet Union. However, other elements of the past are represented in different ways: In Povenets there is a heroic Soviet past and the canal is a symbol of the courage of Soviet citizens. On the Solovetskie Islands the camp is but one element in a larger camp system and the memory of SLON and Gulag is a tragic one.

In a broader context, the significant differences in the two memories of Gulag testify to an ambivalent attitude to the past that exists in contemporary Russia. The Museum of the Solovetskii Special Purpose Camp follows the international discourse on totalitarian regimes. The museum in Povenets demonstrates complete isolation from modern approaches to the study of the Gulag. Thus, the two museums, whose narratives are concerned with the same phenomenon of the same period, show the camp past in very different ways.

Keywords: Memory; Camps; Solovetskie Islands; White Sea–Baltic Sea Canal; Museums; Exhibitions